

Т. В. Ратько

Синонимы как явление языка и речи

Синонимы и синонимия являются объектом пристального внимания филологов очень давно, однако многие проблемы в этой области остаются нерешенными до сих пор. Следует отметить, что подходов к проблеме синонимии и синонимических отношений существует много, что связано с многогранностью самой проблемы.

Так, например, да сих пор нет единого мнения по поводу определения синонимов, критериев синонимичности, а также формирования синонимического ряда.

Большинство исследователей основными критериями синонимичности считают, во-первых, максимальную семантическую близость слов, во-вторых, взаимозаменяемость. Неоспоримым является то, что в основе значений синонимичных слов должно лежать одно понятие, а различаться слова-синонимы должны лишь оттенками значений. Под оттенками значений в сфере синонимических отношений мы понимаем смысловые нюансы, являющиеся показателем различия в семантике слов, обозначающих одно и то же понятие. Именно оттенки значения определяют способность или неспособность слова называться синонимом по отношению к доминанте.

В вопросах классификации синонимов достигнуто определенное единообразие. Так, большинством исследователей выделяются семантические, стилистические, семантико-стилистические и контекстуальные синонимы. Не всеми филологами признаются абсолютные синонимы. Кроме того, если синонимичные слова обозначают различную степень качества предмета или признака (что весьма часто выявляется в языке художественных произведений или фольклора), можно говорить также о градационных синонимах. Мы предлагаем распределять синонимы по двум типам: языковые и речевые, поскольку, на наш взгляд, одним из важнейших критериев анализа синонимических отношений является разграничение плана языка и плана речи. В плане языка следует рассматривать строго нормативную литературную лексику. Сюда не должны включаться диалектизмы, разговорные и просторечные слова и некоторые другие группы слов. В плане речи допускается включение в синонимический ряд, кроме нейтральных слов, также просторечных, разговорных, архаичных, эмоционально и экспрессивно окрашенных, жаргонных слов, окказионализмов, неассимилированных заимствований и тому подобных компонентов. Кроме того, к речевым синонимам, по нашему мнению, нужно

относить и такие слова, которые синонимизируются с доминантой не в прямом, а в одном из переносных значений (типа *недостаток – минус*).

Смещение плана языка и плана речи нередко обнаруживается в лексикографической практике вследствие субъективной оценки элементов словарного состава. Вообще, проблема разграничения языка и речи стоит в лингвистике достаточно остро, причем не только в сфере синонимических отношений, поскольку проблема эта тесно связана с литературной нормой, с нормативностью употребления тех или иных языковых средств. Данная проблема, наряду с лексико-семантической системой, затрагивает и орфоэпию, и морфологию, и словообразование, и синтаксис. Но наиболее важно, на наш взгляд, разграничивать язык и речь при исследовании синонимов. Анализируя синонимические отношения, составляющие значительную часть лексической системы, очень важно различать нормы языковые и речевые. В области лексической системы главенствующая роль принадлежит семантике лексических единиц, а так как в языке существует огромное количество многозначных слов, «возникает проблема правильности, смысловой точности и стилистической уместности слова в высказывании (употребление синонимов, паронимов, фразеологических оборотов и т.п.)» [1, с. 164].

На важность разграничения языка и речи указывал Л. В. Щерба. Одним из наиболее важных положений он считал различение речевой деятельности, языковой системы и языкового материала. При этом на первом месте стоит речевая деятельность, то есть процессы говорения и понимания; она возможна благодаря наличию второго аспекта – языковой системы, то есть словаря и грамматики [2, с. 3, 26]. И языковая система, и речевая деятельность состоят из одних и тех же единиц. Л. В. Щерба отмечал, что «что речевая деятельность является индивидуальным проявлением языковой системы. В идеале она может совпадать с ней, но на практике организации отдельных индивидов могут чем-то да отличаться от нее и друг от друга» [2, с. 27]. Неоспорима мысль о том, что «в идеале языковая система может совпадать с речевой деятельностью». Однако речь, как правило, далека от совершенства, в то время как языковая система всегда нормативна. Тем не менее, регулирующим началом как языковой системы, так и речевой деятельности являются литературные нормы, принятые в том или ином языке на определенном этапе его развития. Безусловно, наиболее интересной для исследования является художественная речь.

Таким образом, функционирование синонимов можно рассматривать с двух сторон: во-первых, синонимы, входя в лексико-семантическую систему языка,

представляют собой подсистему с очень тесными связями – синонимическую парадигму. Во-вторых, синонимы, непосредственно входя в художественную речь, зачастую определяют качество произведения.

В языке художественного произведения именно на лексические ресурсы падает максимальная нагрузка. Следовательно, выбор такого слова, которое способно было бы предельно объективно и в то же время с определенной долей экспрессии создать художественный образ, – вот та цель, к которой стремится каждый художник слова. Помочь достижению этой цели, пожалуй, в большей мере, чем другие, способны синонимические средства языка.

Синонимические средства языка, наряду с тропами, несомненно, способны создавать в произведении определенный эмоционально-экспрессивный контекст. Более того, синонимы зачастую одновременно выступают как образные средства языка (например, эпитеты, сравнения, перифразы и др.), что придает художественному тексту выразительность и позволяет достичь наибольшего стилистического эффекта. Следовательно, наиболее интересным представляется, на наш взгляд, проследить функционирование синонимов в художественной речи.

Так, например, рассмотрим функционирование синонимического ряда с доминантой *ложь* в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита». «Новый объяснительный словарь синонимов русского языка под ред. Ю.Д.Апресяна определяет семантику компонентов данного ряда (некоторые из них – *ложь, враньё, выдумки, враки*) как неверную передачу фактов в условиях, когда человек знает правду.

Употребление слов *ложь* и *враньё* обычно предполагает наличие у говорящего определенной цели. Наиболее типичной целью в ситуации, когда человек говорит неправду, является личная выгода. В контексте художественного произведения в частности, в романе, стилистически сниженное слово *враньё*, безусловно, синонимичное лексеме *ложь*, употребляется с целью некоего развлечения слушающей публики, с удовольствием воспринимающей эту ложь, так как она интереснее, забавнее, увлекательнее правды: «*Все с интересом прослушали это занимательное повествование, а когда Бегемот кончил его, все хором воскликнули: – Враньё! – «И интереснее всего в этом вранье то, - сказал Воланд, что оно – враньё от первого до последнего слова»* [3, с. 541].

В отличие от *вранья*, призванного в данном случае развлечь, привлечь внимание говорящего, *ложь* предполагает какое-то предварительное обдумывание, планирование: «*Иуда стоял и придумывал какую-то ложь, но в волнении ничего как следует не обдумал и не приготовил»* [3, с. 577].

В контексте произведения со словом *ложь* синонимизируются лексемы *басни*, *легенда*, *враки*, что, безусловно, допустимо лишь в речи, в данном случае – художественной: «*Вот какие басни Лафонтена приходится мне выслушивать! Подбросили четыреста долларов! Вот вы: все вы здесь валютчики!*» [3, с. 433.]; «*Об исчезнувшей и проклятой квартире долго в доме рассказывали всякие легенды*» [3, с. 349], «*Как ни была занята Маргарита Николаевна, её всё же поразили странные враки неизвестного гражданина* [3, с. 490]. Как правило, мифы, легенды и особенно басни не ассоциируются у читателей с ложью в силу того, что они могут быть каким-то образом подтверждены историческими данными. В контексте данного романа эти слова семантически сближаются с ложью, поскольку употребляются переносно. Что касается слова *враки*, то оно относится к разряду грубых просторечий и является стилистическим синонимом к слову *ложь*.

Таким образом, можно отметить, что лексические синонимы, употребляясь в художественной речи, помимо основных, характерных этой части лексической системы, имеют также разнообразные стилистические функции: выразительную, эмоционально-усилительную, оценочную и, безусловно, выразительную.

Литература

1. Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ф.П. Филин. – М., Сов. энциклопедия, 1979. – 432 с.
2. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука. Ленингр. отд-е, 1974. – 428 с.
3. Булгаков М. Избранные произведения в 2-х т. Т.1. «Белая гвардия». «Мастер и Маргарита». – Мн., «Маст. літ», 1990. – 670 с.
4. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. / Под ред. Ю.Д. Апресяна. – М.: Изд-во шк. «Языки рус. культуры»: Кошелев, 1997. – Вып. 1. – 511 с.